

ХАЙВЕЙ

Анатолий
Рубин

Анатолий Рубин

Хайвей

«Издательские решения»

2015

Рубин А.

Хайвей / А. Рубин — «Издательские решения», 2015

Дорога — это не только путь из точки А в точку Б. Это среда обитания людей, где случается дружба, любовь, расставание, предательство, короче, все то, что происходит в повседневной жизни. В книге представлены три повести, жизненных истории, в которых встречи в дороге повлияли на судьбу людей.

© Рубин А., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Дальнобойщик	6
Гуля	6
Николай Решетов	8
Встреча	12
На привале	17
Снова в дорогу	21
В обратный путь	25
Банда	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Хайвей

Анатолий Рубин

© Анатолий Рубин, 2015

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Дальнобойщик

Гуля

– Ты, Гуля, мне должна 5000 баксов! – голос Расула был тихим, но звучал зловеще.

– У меня, их нет.

– Ладно. Дам шанс их отработать.

– Что я должна сделать, Расул? – с дрожью в голосе спросила она.

Он не по-доброму засмеялся:

– Ничего сложного для тебя. Надо будет подцепить дальнобойщика. Покатаешься с ним несколько дней, узнаешь, что он везет. Позвонишь по сотовому. Предупредишь, что едешь. Ближе к Москве в каком-нибудь тихом месте попросишь остановить машину. Скажешь, что стало плохо, тошнит. Постарайся, чтоб и он вышел, перекусить или по нужде. Придумаешь по ситуации. И угостишь его лекарством. Вот пузырек.

– Что это? – она никак не хотела брать в руки пузырек.

– Не бойся, это клофелин. Этого слону хватит.

Гуля давно подозревала, что их хозяин промышляет какими-то незаконными делами и входит в бандитскую группировку. Иногда, будучи в настроении он шутил, что крыша у них – он сам.

Что ей оставалось делать? Рассчитывать на чью-то помощь ей не приходилось. Она смирилась. Откуда взялся у нее этот долг?

Гуля уже год работала в палатке, которая принадлежала осетину Расулу. Приехав в Москву полтора года назад, она поняла, что найти нормальную работу очень трудно. Без образования, без родственных связей – кому она была нужна в этом огромном и чужом городе. Но потом все как-то устроилось. Ей повезло. Сначала Гуля работала у корейцев – резала салаты. Даже во сне ей снилась гора натертой морковки. Потом пошла продавцом на рынок. Летом и осенью стояла на улице, ближе к зиме повезло устроиться в палатку.

На работу она устроилась легко. Тем более, по устной договоренности это сделать не трудно. Нужно придти на рынок и спросить: «Кому нужен продавец». Проблем с трудоустройством обычно не возникает. Москвичи идут работать на рынок только в крайних случаях. На продовольственных рынках рабочий день по 12 часов в любую погоду без выходных и праздников. Платят в среднем по 100 рублей в день. Не вышла на работу, не важно, по какой причине – лишилась заработка и работы.

Требуют по всей строгости: недостача – плати, украли с прилавка – тоже твой недосмотр, нет денег возместить убытки – работай в счет долга.

Случается, что и продавцы обманывают работодателей, сбегая с дневной выручкой. С азербайджанцами такие штуки не проходят, если найдут, расправятся жестоко.

По негласному договору хозяева своих продавцов должны кормить обедом. Вторая статья расходов платные туалеты. За двенадцать часов несколько раз сбегает.

В палатке у Расула она работала по 12 часов, каждый день в пересменку с Оксаной. И жили в одной квартире, и спали в одной комнате. Крохотную комнату в 9 метров им сдавала уже спившаяся пожилая женщина. Если бы кто-то из них заболел, то другой спать было бы негде. Работа была изнуряющая. Без выходных и праздничных дней. Но и заработанных денег едва хватало, чтобы заплатить за койку, одеться, на питание, и немного отложить.

Отдельная квартира тем, кто приехал в Москву на заработки, не по карману, не говоря уже о гостинице. В одной сдаваемой комнате могут жить до десяти человек одновременно. Часто хозяева в погоне за лишней копеечкой ставят раскладушки, стелят матрасы

на кухне. Запрещают пользоваться телевизором и телефоном. Те, кто приезжают на заработки в Москву – униженные и бесправные люди. Многие годами живут в Москве, а на Красной площади так ни разу и не побывали.

Ее напарнице украинке Оксане около тридцати. Ездившие в столицу на заработки односельчанки рассказывали, что в Москве на рынке можно заработать сто рублей в день. Она заняла денег на билет и отправилась на заработки. У Оксаны дома остался ребенок. Все деньги она пересылает на Украину маме, и каждый раз плачет, читая письма с Украины: «Денег нет. Костику купить ботинки не на что, рассчитаться с долгами не можем». Съездить домой за два года она так и не смогла.

Ее подставила именно Оксана. У них была общая недостача товаров стоимостью на тысячу с небольшим долларов. Но доказать она ничего не могла. А у Оксаны был покровитель младший брат Расула – Алик.

Николай Решетов

«Ну, с Богом», – сказал он себе и выехал за ворота родной автобазы. Эта была давняя традиция. Без такого напутствия себе он никогда не отправлялся в дальнюю дорогу. Несколько дней туда и столько же обратно. Кто я такой? Простой российский водила – дальнобойщик. По-иностранному – драйвер. Зовут Николай Решетов. Еще не совсем старый – 43 года. Детство прошло в детдоме под Москвой. После школы выучился на автослесаря-шофера. Отслужил в армии. Жил в Подольске. Однажды произошла драка, в которой пострадал человек. В результате тюрьма, и три года лишения свободы. Отсидел. Вернулся на родное предприятие и снова сел за баранку. Исколесил всю Россию. Жил, не тужил: зарабатывал прилично, женился. Жену – Нину любил, но она много болела. И три года назад Господь взял ее к себе. Детей так и не завели.

Он любил свою работу и знал ее. Хорошо водил машину. И потому мог рассказать о ней, как мало кто может рассказать о любимой женщине. Знал все ее капризы и выходки. Двести дней в году в поездках, шутка ли?! «Они родились не выживать, а спидометры выжимать!» – это про него. Да и как никак за рулем два десятка лет. Так что впечатлений накопилось на целый роман, заглавие к которому придумать легко: «Вся жизнь – дорога», и если бы эта книга была написана, там было бы много чего интересного.

...Распался Советский Союз. Россию и страны ближнего зарубежья, как ветхое лоскутное одеяло, держат нити дорог. И из конца в конец, в жару и пургу, точно челноки гигантского ткацкого станка, по этим нитям скользят трейлеры – тяжеловозы, стягивая разноцветный хаос взаимными интересами людей.

Люди, связавшие свою жизнь с профессией дальнобойщика, всегда имеют дело с риском. Специфика работы – длительные, по несколько суток и даже недель, рейсы по городам и весям России и ближнего зарубежья. Их лиц из-за высоты кабины почти не видно, их судьба мало кого интересует, в их проблемы мало кто вникает, разве что родные. У них, дальнобойщиков, особый уклад жизни. Дорога без конца, сон в кабине на колесах, а груз надо доставить в сохранности и сроки.

Мозоли на руках от ребристой баранки, уставшие от напряжения, спина и ноги, затекшие от долгой езды, – все это знакомо каждому, кто не день и не два смотрел на бегущую вперед полосу асфальта. Каждая трасса особенна по-своему, даже на карте и то заметны различия, что говорить о той, которая прошуршала под твоими колесами. Конечно, дорога это всегда романтика. Путь под солнцем и звездами в гордом одиночестве усиливает чувство оторванности от мировой цивилизации.

Всякий, кто сутками гонит свой грузовик с товаром знает, что дорога это турникет, и, чтобы его открыть, надо бросить монетку. Профессия водителя сегодня изменилась. Из подневольного ездока по путевке автобазы шофер превратился в частного предпринимателя, у которого нет больше ни оплачиваемых дней техобслуживания, ни твердой заработной платы.

Сутками они ожидают своей очереди на базах, складах, таможняк, а потом безостановочно гонят по российским и эсенговским просторам, остерегаясь обочин и лихих людей. Оставаясь на трассе в полном одиночестве со своей машиной и многотонным грузом, они всегда подвергались и подвергаются опасности нападения со стороны бандитов. И если в прежние времена подобные случаи встречались лишь эпизодически, то в нынешнее беспокойное время стало обычным явлением.

Но хватит лирики, его «КамАЗ» наконец пробился через столичные транспортные пробки и выехал за пределы кольцевой дороги на трассу. По ней вести фуру легче. Нет светофоров, снующих пешеходов. Мимо проносятся с грохотом и вот такие же большегрузные фуры. Машина летит как в сказке, мотор поет, на спидометре – стольник, под колесами – Россия...

Его конечной целью поездки была Самара. Туда он вез станки, а обратно должен привезти партию дефицитных запчастей.

Дорогу из Москвы в Самару водители считают неудобной. Проходит она с Запада на Восток, и оттого солнце всегда гостит в кабине.

На борту впереди следующего грузовичка на кузове он прочитал игривую надпись: «Смотри на стопы, а не на попы». Прошлый свой рейс он ездил с напарником Виктором. Но того скрутил радикулит и вот уже две недели Витька валялся дома. С напарником ездить веселее и самое главное легче. Он и подстрахует и сядет за баранку. И если что случится, вместе удобнее делать ремонт. Тогда они только выехали из города и обалдели от увиденного. Их, водил, трудно чем-то удивить на дорогах. Однако идущая вдоль трассы полностью обнаженная красotka – зрелище было сильным даже для них.

«Во, дает! – присвистнул Витька. – Я слышал про эту девочку-аварию! Говорят, именно из-за нее на трассе разбилось несколько машин. Она задирает юбку возле автотрассы». Перед этой девицей тормозили машины, образуя пробку. Все с изумлением смотрели на это чудо. «Она, что ходит такая, чтобы проверить, нравится мужикам или нет?» – спросил тогда Решетов напарника.

Витька был хорошо информирован. «Это девочка больная, – рассказывал он. – Она спидушная. Из больницы сбежала и решила заразу на дорогах разносить. Она получает удовольствие от такого показа. Говорят, что девчонка любит наблюдать со стороны, как гаишники суеются вокруг битых машин, а водители стесняются признаться, что засмотрелись на голую девушку». Тогда он возразил напарнику: «Да брехня все это. На меня этот гипноз не действует. Нормальная проститутка разве будет бесплатно обнажаться задарма».

Да, каждый изгаляется, как хочет. Вот он, например, не любил всякие там доморощенные надписи на кузове или внутри кабины картинки обнаженных красоток из глянцевого иностранных журналов. Убранство кабины должно быть таким, чтобы создать комфорт. Баран и с коровьими рогами останется бараном. Большинство водителей – дальнобойщиков, относятся к своим автомобилям очень ревностно. Украшать машины снаружи считается дурным тоном. Внутреннее же убранство кабин, в которых водители проводят почти половину трудовой жизни – исключительно личное дело хозяина. Одни отдают предпочтение красавицам: чаще всего в купальниках, мини юбках и просто в negligé. Есть категория водителей, которые украшают интерьер автомобилями, самолетами и другой техникой из журналов.

У него было такое правило: выезжая из Москвы заправиться под завязку дизтопливом, чтобы потом не болела голова об этом, и он свернул на ближайшую заправку.

На заправке кто-то просунул голову в кабину. Он насторожился. На него смотрели два голубых глаза. По лицу разводы грязи. Но сам взгляд – чистый и ясный. Николай, почему то подумал, что хотя перед ним и был чумазый беспризорник, но ребенка можно испачкать только снаружи.

– Дядь, подвези?!

– Куда тебе надо, сынок?

– Да тут, по трассе до поселка километров двадцать.

– Ну, садись.

Мальчик с удовольствием уселся на сиденье. На нем была болоневая куртка, грязные джинсы, на ногах старые ботинки.

– Тебя как зовут-то?

– Эдик.

– А лет сколько?

– Двенадцать.

– Есть хочешь?

– Да.

И Решетов протянул ему прихваченный из дома бутерброд с колбасой. Мальчик стал с жадностью его заглатывать.

- Не давься. Куда спешишь? Торопится не надо.
- Угу, – кивнул мальчик, за полминуты управившись с бутербродом.
- Ты что совсем один?
- Да нет. У меня друзья тут в поселке.
- Значит бомж.

Мальчик кивнул головой.

- Ну, летом понятно. А зимой то как?
- В чем убежал, в том и хожу. Ночью в залах ожидания греюсь. А спать днем удается.

В метро садишься на Кольцевой и катаешься, за это время можно выспаться.

- Родители то есть?
- Есть.
- А что же ты убежал из дома?
- Родители – алкаши.
- Родителей не выбирают.

Мальчик посмотрел на него отсутствующим взглядом:

– У них своя жизнь. Отчим лупит за любой проступок. Просто так, ни за что, потому что надоел.

- А мать, что же не заступалась?
- Да что мать. Он и ее бьет. Ребра ей ломает, уши рвет, а она все терпит. Я заступаюсь за нее. А он меня бьет.

- А что же вы его не выгоните?
- Выгоним, а он на завтра вновь возвращается. Мать его прощает.
- В школе давно не был?
- Не помню. Год, может больше.
- Значит путешествуешь?
- Ага.
- А родной отец где?
- Живет рядом. Семья у него другая.
- Слушай, а может к твоему отцу тебе податься, чтоб кормил, одевал?..

– Да пошел он, – мальчишка совсем по-мужицки выругался. – Спасибо я приехал, – и выскользнул из кабины, как только машина затормозила у обочины.

Николай на прощанье махнул рукой ему вдогонку. Да собственно чем его жизнь лучше этого мальчишки. Ну, крыша есть над головой, работа... Так уж повелось в нашей жестокой жизни – никому до таких как он нет дела, да и ему ни до кого тоже. Когда-то вот так же мотался на фуре его бывший напарник Петрович. Из рейса возвращался уставший, на стоянках всегда засыпал мертвым сном. Его сердце остановилось однажды ночью, отстучав всего полсотни лет. И хорошо, что случилось это дома, а не за баранкой, что бывает у дальнобойщиков довольно часто. Он так и не сумел отмыть пропитанные мазутом, бензином, маслами большие загорелые ладони, и в гробу на фоне белого покрывала они выделялись огромными серыми пятнами. Вообще-то среди дальнобойщиков тех, кому за пятьдесят – единицы. Качество наших дорог, машин, от езды на которых выходят из строя внутренние органы, питание всухомятку, стрессы, частые и страшные отравления где-то по дороге перехваченными некачественными продуктами, редкий и короткий отдых в дороге в условиях, к нему не располагающих. Все это изнашивает организм за полтора – два десятка лет. Машины, правда, не выдерживают такого срока. Люди оказываются выносливее в этом состязании с техникой.

Шоферское счастье – в чем оно? Что доехал живым, невредимым, что машина цела и груз в полной сохранности? Или в чем-то другом? И где его больше – на коротких перевозках или дальних маршрутах? Ответы на эти вопросы у каждого водителя свои.

О прозе жизни начинаешь вспоминать на АЗС, где введена плата за наличный расчет за топливо. Цены на него поднялись и большие суммы денег у водителей стали не роскошью, а необходимостью. При этом риск проезда по трассе увеличился многократно – деньги притягивают лихих людей.

Он ни разу не попадал в опасные ситуации. Так были мелкие стычки. Даже не понял, что это было. Благополучно выходить из таких ситуаций ему помогала его физическая сила, помноженная на большой житейский опыт. Недаром вот уже больше двадцати лет шоферил.

Правда, несколько раз приходилось откупаться небольшими суммами. Полгода назад где-то под Тольяти к их стоянке подъехала легковушка, и в свете фар замаячили неясные фигуры. По лобовому стеклу постучали молотком. Скуластый молодой парень, открыв дверцу машины и ухмыльнувшись, спросил: «Ну что, шеф, платить будешь?»

Он платить не хотел, но Витька тогда стал уговаривать, что лучше немного заплатить, чем потом мучится с ремонтом изуродованной машины и груза. Скуластый парень торопил: «Смотрите, время идет, ставки растут». «Слушай, а где гарантия, что с нас еще раз не потребуют платы?» – спросил он. «За кого ты нас держишь, шеф? Кто придет, скажи, что уже была морозовская группа, понял?» «Понял». Парень неторопливо взял протянутые ему купюры и исчез так же бесшумно и внезапно как появился. Еще покачивалась шторка, отодвинутая им, как уже слышался стук рэкетерского молотка о соседнюю машину. Сбор дани продолжался.

Наутро они встретили в пути два «КамАЗа», едущих им навстречу, с выбитыми стеклами – на первом они были наскоро заделаны фанерой, лишь перед водителем было оставлено что-то вроде амбразуры. Во второй машине водитель напоминал зазимовавшего полярника – до того он был закутан и в очках...

Вспоминая события той ночи, Николай потом задавал себе вопрос. Кто же будет обеспечивать безопасность водителей в пути? Ладно, с них потребовали только деньги, а что было бы с их грузом. Любой груз в количестве, который умещается в многотонной фуре, – лакомая добыча для промышленяющих по глухим участкам трасс бандитов. Вот и приходится принимать необходимые для безопасности меры. Милиционера в кабину не посадишь. Места для ночной парковки возле постов ДПС на всех не хватит. Там и сегодня с трудом влезает только два-три больших грузовика. Охраняемые, хотя и платные автостоянки для водителей вдоль трассы – это пока из области мечтаний. Коллективный ночлег – лишь одна из них. Другая, наверное, не составляет труда догадаться, – оружие, надежно спрятанное в кабине. Когда-то главным оружием водителей на все случаи жизни была монтировка. Но сегодня она всего лишь детская игрушка в противовес автоматам, а то и пулеметам, которыми вооружены бандиты. У них и самые быстрые транспортные средства и связь.

Обыск по подозрению в ношении огнестрельного оружия – смешное мероприятие. Пока пытливые милицейские руки скользят от подмышек к лодыжкам – сплошная умора. Не от щекотки. Смешно, когда у тебя ищут и не могут найти «ствол».

Встреча

Серая лента дороги воспринимается как бесконечность. И кажется, что выехал ты очень давно, а может, и вовсе не выезжал, так все время и жил, не пользуясь ни часами, ни ключами от квартиры, ни проездным...

Еще выезжая из Москвы, Николай свой маршрут разделил на отрезки. Где он остановится перекусить и, заодно, отдохнуть, где переночует, чтобы успеть утром или днем приехать в конечный пункт своего назначения. Там надо было сдать старый груз, получить новый и вновь в обратный путь. По его расчетам он должен обернуться за три дня не больше.

До места, где собирался остановиться, оставалось по его расчетам немного пути. И в приятных раздумьях о скором завтраке со стаканом горячего чая, на затяжном спуске он дал машине еще больше разогнаться. Место было знакомое, скоро будет резкий перелом дороги вверх – тут приятно вдавит в сиденье, машина вознесется к небу. Вот уже проглядывается начало подъема, дорога свободна и он добавил газа.

Приятные моменты невесомости, машина устремляется вверх – и тут же ему открылся новый кусок дороги... и нечто серое, пересекающее его путь. В следующий миг он осознал трактор... гусеничный... шестьдесят метров, тридцать... десять... Слава Богу! Затормозить, не было времени. И это вряд ли спасло бы. Успел лишь вильнуть влево и «просвистеть» в метре перед носом, наверное, пьяного механизатора.

Дорога – она как увеличительное стекло: все лучшие и худшие стороны в человеке делает заметнее. Надо немного успокоится, взять себя в руки. Сбросил скорость.

...Впереди по обочине шла девушка. Нет, она даже не шла, а брела, и вдруг обернулась и подняла руку, голосуя.

У него не возникло сомнений в том, кто она такая, – так называемая «плечевая». Они частенько мелькают на дорогах – подсаживаются к водителям и согласны ехать с ними хоть к черту на кулички. Не имея ни семьи, ни определенного места жительства, эти опустившиеся женщины отдаются своим попутчикам нередко за бутылку дешевого вина или скромный ужин. Автомобиль стал для них не средством передвижения, а буквально средством существования. Свою «профессию» они не считают унижительной или позорной, а тело рассматривают лишь как инструмент, рабочий станок для добывания денег, полностью отчуждая его от своей личности. Втайне они мечтают о настоящей любви, но в реальной жизни вынуждены торговать своим телом. Это учащиеся или закончившие институты и техникумы, бывшие посудомойки, медсестры, уборщицы и т. п. Ко всему прочему, у них из голов еще не выветрилась романтика дальних странствий, приключений.

А среди водителей – дальнобойщиков немало молодых людей, полных сил и энергии. Есть среди них и холостые и разведенные. Естественно, и те, и другие ведут далеко не монашеский образ жизни.

Обычно Николай с такими не связывался. А тут ехал один, без напарника. Скучно. До нее осталось метров пятьдесят, и что-то вдруг заставило его сбросить скорость и остановиться. Может быть, просто пожалел. Какая-то странная осанка – голова в плечах, словно она плачет. Он притормозил.

– Хочешь, чтобы я тебя подвез? – спросил он, рассматривая ее лицо.

Она кивнула головой. Девушка была миловидна, если бы не слишком грубый слой пудры на лице и яркая помада на губах.

Незнакомка никак не могла запрыгнуть на ступеньку, высоко задирая ногу.

– Ну, давай, давай запрыгивай, – подбодрил ее Николай.

Со второй попытки ей удалось это сделать. И машина покатила дальше на Восток.

На вид ей было лет восемнадцать – двадцать. Не больше. Она выглядела бы как типичная дорожная плечевая проститутка, если бы не странный взгляд ее голубых глаз. Они были чисты и невинны.

– Тебе куда? – спросил он ее.

– Все равно, – вяло ответила она.

– Ладно. Я все равно без напарника. Вдвоем веселее.

– Ну, расскажи что-нибудь про себя? Тебе как зовут-то?

– Лена.

– А меня зовут Николаем. Еду в Самару. Потом обратно. Тебя такой маршрут подходит?

– Далеко.

– Ничего дорога хорошая, все-таки федерального значения. В Америке такие дороги хайвеями называют.

– А не страшно ехать одному? Может всякое случится?

– Иногда и случается. Поэтому и живут в шоферской среде всякие мифические истории о призраках.

– Какие?

– Ну, например, о призраке некогда погибшей на дороге девушки в белом, раз в году, в день своей кончины подсаживающейся к одиноким путникам с просьбой довести ее до отчего дома, а потом исчезающей на полном ходу.

– Как я? – спросила девушка.

– Вроде.

– Но, у меня нет ничего белого.

– Поэтому я и остановился.

– А еще, какие легенды есть?

– Охваченный пламенем грузовик без водителя, внезапно возникающий на встречной полосе, несущийся на огромной скорости и так же внезапно исчезающий.

– Страшно.

– Считается, что все призраки появляются в тех местах, где когда-то произошла авария, и будто специально стремятся спровоцировать новую беду. Как говорится, хотите верьте, хотите нет...

После минутной паузы Решетов поинтересовался:

– А кто ты по профессии?

– Как вам сказать..., – замялась попутчица.

– Хочешь пить?

– Нет, – ответила вяло она, почему-то махнув обречено рукой.

– Значит, трасса – это твое рабочее место?

Она кивнула головой.

– А род занятий: оказание интимных услуг?

Она опять кивнула головой.

– Нравится такая работа?

– Это не работа, а способ выживания. Я работала продавцом, но пришлось уйти. Недостача была. Напарница деньги взяла.

– А ты что? Не смогла доказать свою невиновность?

– Не смогла.

– Пусть расследование проведут. Ты в милицию обращалась?

– Да вы что! Там ведь принимают на работу без трудовой книжки, без всякого письменного договора. Хозяин платит – и будь довольна. А если не нравится – все, уходи, без всякого пособия. Ну, вот я и ушла на трассу. Сама себе теперь хозяйка...

– И как долго ты собираешься так жить?

– Как только найду работу – сразу уйду.

– Лена, а тебе не страшно?

– Страшно. Девчонок ведь иногда прямо из кабин, на ходу выкидывают. В позапрошлом году двух девушек убитыми нашли. Возле трассы, в перелеске.

– А убийц нашли?

– Наверяд ли. Попробуй, найди – они же здесь все проездом. Да и девчонки эти сами были виноваты.

– Это в чем же их вина?!

– Ну, наверное, нагрубили. Или, может, цену какую-нибудь несусветную загнули.

– Да разве ж это может быть причиной убийства?

– Всякие люди есть... Но если ты пошла на такой заработок – надо во всем соглашаться с клиентом. А те девчонки, видно, были неопытные, с гонором. Вот и поплатились...

Поразительная логика! Да ведь так любое, самое гнусное преступление можно оправдать. Впрочем, стоп! Чего это я так раздухарился? Глянь на девчонку, праведник! Посмотри внимательно в ее глаза – ты видишь, сколько там страха? Она же несет эту околесицу с перепугу! Элементарно боится его здорового мужика, взявшего ее в попутчицы на безлюдной трассе. Но она – не попутчица, она – на работе. И с этой «работы» ей хочется вернуться домой, к матери, живой и невредимой. И, кроме того, с деньгами. Чтобы не только на шоколадку хватило. Потому-то она и убеждает его: мол, кому – как, а вот мне желание клиента – закон. И поперек, дескать, я слова не скажу. Только не убивайте меня из-за своей жадности и тупорылости...

Он почувствовал, как стал наливаясь злобой. Нет, не на эту девчонку – на нашу «российскую житуху». На то, что спилась – скурвилась российская провинция вообще. На то, что смертность в наших городах и деревнях превышает рождаемость, что количество самоубийств увеличилось в десятки раз. Но стоп! Хватит себя распалать.

– А как же любовь? – спросил он. – Ты веришь в нее?

– Верю.

– Замуж собираешься?

– Ну, а как же?! Мечтаю выйти замуж за хорошего парня.

– При таком-то образе жизни? – невольно рассмеялся он.

– А что? В прошлом году одна девчонка из нашего поселка так же вот познакомилась с дальнбойщиком из Мурманска. И, представьте, у них возникла любовь. Договорились, что через десять дней на обратном пути на этом же самом месте она будет его ждать. Все получилось так, как договаривались: он приехал, забрал ее и увез к себе в Мурманск. Говорят, что живут они счастливо и что у них будет ребенок...

Ах ты, наивная душа! Да ведь такие сказки надо рассказывать детям дошкольного возраста, чтобы ночью кошмары не снились. Этот свой сарказм, однако, я оставил при себе. Даже улыбнуться не посмел – грешно смеяться над детской мечтой.

Впрочем, Бог ее знает, эту любовь. Может быть, так все и было. Даже очень может быть. Но – как исключение, а отнюдь не жизненное правило.

Эй, шоферы! Дальнбойщики и не очень! У вас ведь хватает ума понять, что девчонки на наших российских трассах не ищут приключений на свою голову. В большинстве своем они просто хотят выжить и таким вот образом зарабатывают себе на жизнь. В них можно не влюбляться. Можно презрительно проехать мимо. Но если вы остановились – будьте к ним великодушны...

Потом они молча ехали, пока он не свернул на одну из стоянок недалеко от дороги, там, где обычно останавливались дальнбойщики.

– Здесь остановимся на ночлег, – сказал он, остановившись, – а завтра поедем дальше.

– Не страшно здесь ночевать? – вдруг спросила она, – оглядывая площадку.

– Я здесь всегда останавливаюсь. Сейчас еще кто-нибудь подъедет. Рядом поселок, пост ДПС. Да и ребят уж много – кивнул в сторону других грузовиков. – Отмахаемся, если что.

Он первым вышел из кабины, она продолжала сидеть в машине.

– Ну, давай, выползай, помогу тебе, – и открыл дверцу.

Она, опершись на его плечи, прыгнула на асфальт. Но не слишком удачно. Каблучок подвернулся и если бы не он, успевший поймать ее, показавшуюся ему такой легкой, наверное, она подвернула бы ногу. Несколько секунд он так и держал ее в своих объятиях. Потом поставил на землю.

– Осторожно надо, – произнес он. – Машина такая высокая. Что можно шею свернуть.

Она съезжилась в его объятиях. По сравнению с ним она была маленькой девочкой. При его росте метр восемьдесят семь и ее метр шестьдесят. Да и комплекции у них были разные у него за сто, у нее ровно наполовину меньше.

Гуля никуда не отходила от машины, пока Решетов ставил складной стол с двумя стульями и готовил легкий ужин.

– А где мы спать будем? – спросила она, после того как они перекусили из его припасов.

– Вот, что девочка, – жестко сказал он. – Утро вечера мудренее. Что-нибудь придумаем. Иди, ложись в кабину. А я с ребятами посижу.

Девушка забралась в кабину на узкую постель. В кабине было тепло и даже уютно. Она не хотела ни о чем думать, но мысли и воспоминания предательски лезли в голову. Ей было всего восемнадцать, а за последние два года пришлось пережить столько, сколько хватило бы на три благополучных жизни. Почему именно ей суждено все это пережить? За что? За какие грехи? Не найдя ответы на эти вопросы, на нее вдруг навязчиво нахлынули воспоминания ее последних лет жизни.

Она жила в небольшом поселке городского типа. Ее отец пил не просыхая. Когда приходил еле живой домой, они с матерью часто прятались в сарае или на чердаке, со временем и мать стала прикладываться к бутылке. Теперь пряталась только она.

По вечерам она часто ходила с подругами в местный ДК на дискотеку, там у нее было много знакомых. Однажды ее посадили в машину и сказали, что поедут кататься. Но дело кончилось тем, что напоили, завезли на какую-то дачу, и началась оргия. Парни, одев на голову черные чулки, по – очереди ее изнасиловали. Она вырывалась, царапалась, кричала, звала на помощь. Но силы были не равны. Что они с ней вытворяли, не могло присниться даже в кошмарном сне.

Дальше пустота. Она почувствовала, что лежит на земле, открыла глаза: серое небо, в глаза дождь. И не чувствовала ничего, кроме боли. Она нашла в себе силы подняться и пойти в больницу.

Больница была адом, ведь живого у нее была только душа, да и та грязная. Она не хотела никого видеть. После узнала, что у отца был удар, он тяжело заболел. Через два месяца была дома. Мама плакала. Она бросилась ей в ноги и закричала: «Мама, убей меня, тебе не нужна такая дочь!» Отец готов был вышвырнуть ее из дома. Так и жила, а в поселке люди в лицо смеялись и оскорбляли. Одна была поддержка – церковь. Туда ходила с матерью, но ей казалось, что спасения нет нигде.

Без долгих предисловий родители парней предложили Гулькиному отцу деньги по 10000 тысяч с носа. Лишь бы он забрал свое заявление. Хозяин молчал. Гости приняли это за отказ. Стали убеждать. Говорили, что для девочки это действительно большое потрясение, но через три-четыре года все забудется, время лечит. А так, говорили, могут уехать из городка на новое место и начать все сначала, где их никто не знает. Денег вполне хватит, чтобы купить домик. Но отец молчал, они начали говорить, что свидетелей нет, в суде не удастся доказать. Она сама виновата. Шлялась по сомнительным компаниям и сама спровоцировала их сыновей на этот поступок.

Но тут отец начал говорить, что по триста мало. Надо до завтрашнего вечера, но по тысяче. На следующий день он получил эти деньги.

Через два дня Гулька поднялась рано утром, быстро оделась, взяла приготовленную еще с вечера дорожную сумку и тихо вышла из дома в направлении автостанции. Она решила уехать навсегда из этого поселка подальше в большой город, и лучше в Москву, чтобы ее там никто не знал. Она хотела начать жизнь сначала. Через полчаса она ехала в автобусе, отдаляясь от того места, где она потеряла все, что у нее было чистого. Подруг, родственников, тетю Катю, друга Сережку. Жалко было маму. Как она выдержит все это? Она, конечно, собиралась ей написать, когда устроится...

На привале

Между тем к вечеру на стоянке собралось с десятков машин. Водители в основном были свои – дальнбойщики. Развели небольшой костер, вокруг которого все вскоре и собрались.

Закат догорал за над лесом, подернутый серой пеленой дымки тумана предвечерья. Спустился еще полчаса спустились сумерки, и быстро стало темнеть. Фуры с московскими, питерскими, псковскими, белорусскими, тульскими, калужскими номерами стоят рядом. Силуэты машин в темноте стали напоминать стадо слонов, сбившихся в кучу.

Водители, сидя у костра, как старые, добрые знакомые, вели свои разговоры. Звенели стаканы, по кругу шли открытые банки с консервами, огурцы, хлеб.

На таких стоянках люди забывают о политических и национальных разногласиях и вражде. Более того, здесь царит негласное шоферское братство. Нынче ночлег на трассе в одиночку может стоить если не жизни, то больших денег. У каждого свой маршрут, свой груз, своя задача. Просто живут дальнбойщики в рейсе по негласным, но жестким правилам водительского братства, до которых всем другим автомобилистам, чья помощь друг другу ограничивается лишь перемигиванием фар при приближении к патрульным автомобилям ДПС, непонятны. Раньше, на ночь глядя, они искали по трассе «родственные» машины, чтобы за общим застольем веселья скоротать вечер. Теперь появилась другая причина, заставляющая их держаться вместе и уже не по двое – трое, а по десятку человек. Страшно стало на наших дорогах, особенно в темное время суток. То рэкет налетит, то милиция, а то и просто хулиганье. Побьют, ограбят, груз попортят, и уедут безнаказанно. Поэтому им и приходится ставить свои фуры в кольцо или хвост в хвост – вместе спокойнее.

Дальнбойщики любят повеселиться на всю катушку. Они в течение суток не снимают ноги с педали газа, тормоза, отогревшись, про все это забывают. Здесь на ночлеге можно услышать самые невероятные, но правдивые истории.

Случаи из автомобильной жизни имеют совершенно особую ценность, потому что на них единственных можно учиться чужому опыту, все же остальные элементы жизни: любовь, ненависть, дружба – достигаются только собственно набитыми шишками и синяками.

– Есть даже такой анекдот. «Решили обменяться наши и чехи грузовиками. Они нам «Татру», мы им «КамАЗ». Год спустя, обмениваются опытом. Русские: «Год прошел, и машины нет». Чех: «Год прошел, и водителя нет...»

– На западе задалась целью выяснить, кто самые лучшие любовники в зависимости от профессии.

– Ну и кто же на первом месте?

– Говорят, актеры. Но на втором месте идут водители грузовиков.

– Seriously?

– Настоящие мужики уверенно ведут себя и в постели, они как уверенно ведут многотонные фуры, так и в постели. Но есть минус: после бурных забав мгновенно засыпают – без всяких там нежностей.

– Куда путь держишь?

– В Самару.

– Да. Тысяча верст будет. За один день не удастся доехать.

– А дороги, какие? Остановки!

– Я вообще стараюсь не останавливаться. Раньше едешь, видишь – машина стоит, так обязательно тормознешь, спросишь: «Что, брат, у тебя случилось?» А теперь – ни за что. Кто знает, может это для тебя приманка стоит? Страшно стало ездить. Я на «междугородке» уже пятнадцать лет и сколько помню, все говорили про повышение уровня жизни, улучшения условий труда. Единственное, что можно добрым словом вспомнить в Челябинске, в свое время,

бесплатную гостиницу «дальнобойщикам» предоставляли. Больше я нигде в России такого не видел. Мне пять звезд не нужно – мне кушетку да горячую воду, а то приходится к местным пенсионерам приходиться, чтобы помыться. Знаете почему обыкновенная московская вода? Пять рублей за канистру. Да я их не осуждаю – каждый зарабатывает на свой кусок хлеба, как может. Раньше я мог в любом месте остановиться на ночлег, а сейчас только у постов ДПС. Поест раньше можно было в пути, а сейчас питаемся тем, что только взяли из дома. Недаром немцы говорят, что первые болезни русского человека – это зубы и желудок.

У парня видно наболело.

– Вот я ездил, в Германию и Голландию, сервис, я вам скажу, на дорогах полный. Чем цивилизованнее страна, тем он полнее. Только надо знать, где что покупать. Худенькую запеченную курочку на белорусской границе за 10 дойчмарок брать не стоит, так как через полчаса езды на польской территории ее можно купить за 2, а то и за 1 марку.

– А по части девочек, в отличие от кур цена везде одинаковая – 20 марок и она твоя. На один раз. Ее не волнует, быстро ты кончаешь или долго. У нас Петруха настоящий, по этой части, коллекционер. По дороге, предположим, во Францию снимает блондинок: белоруссок, полячек, немок. На обратном пути только брюнеток.

В Германии правда хохма вышла, взял я с собой жену. Теперь просто – загранпаспорт имеешь, визу оформил и вперед. Ехал я с женой, несколько машин было. Остановились мы в одном местечке. Купили плавки, купальники, взяли такси и поехали на пляж. Там, все отлично, но не одной раздевалки. Немцы, мужики и баба, без стеснения с себя все кидь и протираются полотенцем, переодеваются. А моя Ленка вся полотенцем таким коротеньким обернулась ну и старается переодеться. Так на нее как на какое-нибудь чудо весь пляж уставился. Мы то, как немцы, быстро скинули штаны и в плавки. А у женщин это долгая история.

– Ты, я смотрю с попутчицей? – тронул Николая за рукав присевший рядом парень.

– Пожалел. Пусть покатается.

Парня видно тянуло на разговоры.

– У меня с попутчицами постоянно случаются всякие истории, – начал он свой рассказ.

– Однажды был случай. Сидим с напарником в кабине, к нам подвалили две девицы. Мы так и эдак отнекиваемся, но они свое дело туго знают, мастера одним словом. Грудь раскроют, бедром вильнут, ножку покажут. Что делать? Я тогда нежно обнял Гришу за шею, в щеку целую и говорю: «Мне он дороже тысячи женщин». И он мне тоже так подыграл.

Что было с девицами! Они, по-моему, с таким феноменом у шоферов впервые встретились. Тут же свалили. Правда, когда они ушли мы тут же сплюнули по разные стороны машины.

– О, мужики еще одна история. – Туляк даже привстал. – У нас в автоколонне работают два приятеля. Сашка и Володька. Сашка большой любитель женского пола и не пропускает ни одной симпатичной попутчицы, и всегда про запас имеет так называемое изделие номер два. Володька тот, наоборот, примерный семьянин и никогда жене не изменяет, хотя и много раз были такие возможности. Ребята за глаза его праведником называют.

Ну вот, как-то раз, Сашка решил подшутить над приятелем и сунул упаковку в карман напарника. Тот пришел домой и куртку повесил на вешалку. А его жена Верка, конечно, по карманам стала лазить и эту неожиданность, выявила, ну и к муженьку, ты, что же, гад, на стороне гуляешь?

Тому нечего сказать в ответ. Только и пришло в голову, что, мол, им всем без разбору, стали выдавать эти изделия, как в армии курево. Не куришь, все равно положено. Потому, что на автобазе много холостых ребят стало работать. Он то свои всегда отдавал ребятам. А эти забыл отдать. Верку удовлетворил его ответ. Действительно всякие заразы гуляют. Так она возьми и позвони жене Сашки – Катке и так, между прочим, спрашивает. «Твой, мол, принес домой презервативы?»

Та к Сашке, где презервативы? Использовал? С кем? В общем, тому досталось на орехи. По полной программе.

Неожиданно оживился водитель из Пскова:

– Расскажу историю с моим соседом. В начале лета встречаю своего соседа по подъезду Сергея. Хороший водитель. Сколько лет помню, всегда на дальних рейсах шоферил. А тут смотрю небольшая грузовая машина. Садится в машину.

Спрашиваю, ты же всю жизнь на трейлерах ездил, неприятности? Отвечает: «Да нет, из-за собственной дурасти и супружницы».

Ну, Серега и говорит: «Прошлым летом отправили детей на месяц в деревню к теще. Живем одни без забот, без хлопот. А тут меня в рейс отправляют в Новороссийск. Жена и давай клянчить: «Возьми, да возьми» сначала не хотел, но потом согласился. А что думаю. Прокачу ее. В море пару дней покупаемся, фруктов поедем. Покажу ей страну. Когда вот так прокачишься с женой? В общем, согласился сдуру. Едем, подъезжаем к Краснодару. Несколько часов пути и – море. Настроение приподнятое. А тут дождь пошел. На обочине под деревом стоит молодая женщина вся промокла и голосует нам. Жена тут и говорит: «Бедная, вымокла вся, давай подвезем». Я-то сразу сообразил, что это плечевая проститутка. А как жене объяснишь, почему не надо ее подбирать. Пойдут расспросы. Торможу, открываю дверь. Эта голосующая и говорит жене: «Ну что, позабавилась, подзаработала? Слазь, давай. Теперь моя очередь. Это мой участок».

Жена молча захлопнула дверь. А как приехали домой, так на второй день заставила написать заявление. В дальние рейсы теперь не поедешь. Вот с тех пор и езжу вот на этой малотоннажке.

– Мне их жалко, – произнес Решетов. – Плохо кончают.

– Не. Не всегда, – возразил парень из Петрозаводска. – Вот случай со мной был. Возвращаюсь зимой в Петрозаводск. А на дороге девчонка стоит. Босая. Какие-то носочки на ней. Прыгает от холода. Плачет. А тут я в роли ангела – спасителя... Я у нее спрашиваю: «Куда же ты, милая дела обувку?» А та, говорит, подруга украла. Была в гостях.

– А что было потом?

– Да ничего особенного. Приезжаю в Петрозаводск. Девчонка взмолилась: «Так и так, домой мне пока ну никак нельзя. Родители про туфли узнают, – убьют!» Да, и по разговору видно, что семья у них небогатая.

Звоню по «мобильнику» приятелю. А он только со своей первой развелся. Одинокий самостоятельный мужчина... Говорю: «Димон! Тебе временно не нужна домработница? Скромная девушка с небольшими психологическими проблемами... Умеет стирать – убирать...». А он мне: «Ты где ее нашел – то?» «Около Пряжи, на трассе». Димка даже испугался: «Так, если с психологическими проблемами, она, случайно, не из психушки сбежала?»

– Ну, и чем вся эта история закончилась?

– Взял ее к себе Димка, пожить. Пожалел... Она у него дома такую хозяйственную деятельность развернула – приходи кума глядеть... Купил ей Димка новые туфли... в знак благодарности... Потом платье вечернее, с перьями... Потом – шубу... В общем, привыкать к ней начал... А потом и женился...

– О, мужики у меня случай был с одной.

Все шоферы посмотрели на белоруса.

...Еду я из Минска, в Борисове «телку» взял, симпатичная девчонка. Только датая и лицо в синяках. «Стюардесса я», – говорит.

– С самолета свалилась, что ли? – спрашиваю. Обиделась: «Дорого бы отдала, чтобы узнать откуда». Я конечно, лицо понимающее сделал, для приличия. Обиделась еще больше. Потом уткнулась в приборный щиток, плачет: «Я пью, чтоб не рехнуться, пью, чтобы не сдвинуться...». Притормозил до кустов сбежать. Возвращаюсь – в кабине пусто. И на дороге

никого. Думаю, может приспичило? Подождал минут двадцать, нет и все, как и не было. Вдоль трассы – болото, кустики реденькие, просвечивают. Нет ее точно. Тут я совсем очумел. Если бы не за рулем, эх, пару пузырей раздавил точно. Хотя я к этому делу не приучен. Заехал на площадку, на ночь. Знакомых ребят встретил, поели вместе. Наутро выехал – светло, тепло, как обычно. Вышел на трассу, качу потихоньку, сгущенку из банки посасываю. Прикинул, сколько за рейс возьму, радуюсь. И дорадовался. Как чувствовал – это корова дохлая даром не пройдет. Смотрю, обходит меня задрипанный «уазик». Чуть я ему в зад не ткнулся. Торможу, выскакиваю. Убью, думаю, гада. Это ж надо так ездить – дорога пустая, а он мне под колеса лезет. А из машины без номеров вываливаются жлобы, один за одним. А ведь мог обойти его, заразу, не прощу себе, ведь мог! Говорили мне ребята, что дороги не те стали, колеса на ходу рвут. Жлоб один, то, что впереди был, тащит автомат из-под куртки и в нос мне. Лезет в кабину и ствол в бок, от бессилия плакать хочется. Суки, думаю, ну суки! И купили, как пионера, на самолюбии шоферском сыграли, падлы. Одно, думаю, хорошо: не жратву везу, не шмотки. Комбайны и сеялки. Заехали в лесок, останавливаюсь, пытаюсь по-хорошему, сую жлобу путевкой: сеялки везу, но, куда там! Сбивает жлоб пломбы с контейнеров, лезет. Выпрыгивает, и ко мне с матом. Бил, не голой рукой точно. Очухался, их уже нет. Денег в куртке тоже нет. Как и куртки. Даже часы сняли, не поленились. Подхожу к контейнерам, закрыть чтобы, внутрь смотрю: интересно все-таки, на что суки не позарились. А там – ни хрена! Пустые они контейнеры. Это я, получается, от Бреста, воздух вожу. Лезу внутрь. Сначала точно сквозь пленку с трудом в пустоту прошел. Чудеса! И мерзкий такой воздух. Еду и думаю: пломбы с контейнеров сорваны, кто мне теперь поверит, что там ничего не было? Кто? Хрен его знает, сколько эта гребаная сельхозтехника потянет! И потом если все рассказать, как оно было – так это прямая дорога в дурдом. И прощай работа. Куда мне потом? На большую дорогу, как эти жлобы? А-а?

Что Николай ему мог посоветовать? Честно говоря, ему с трудом верилось в то, что рассказал новый знакомый. И, тем не менее, парень как парень. Он не производил впечатления человека, которому нужен психиатр.

– Говорят, что самые жуткие встречи случаются тогда, когда не знаешь, с кем встречаешься, да и встречался ли... – вдруг оживился, полный туляк. – А у меня тоже был такой случай. Один раз я уснул за рулем. Летом дело было, на рассвете. Дорога ровная как стрела. Вот и задремал. В полудреме вижу человека посередине дороги. Я на него наезжаю, не снижая скорости. Про себя еще думаю, что же я сделал, а он тем временем проходит сквозь меня. Нет, точнее машина проехала сквозь него, а он стоит целехонек, как ни в чем не бывало. В это время просыпаюсь, смотрю через зеркало заднего вида – никого на дороге нет. Привиделось. Рассказал дома жене, а она: «Это Господь беду от тебя отвел». Вот и верь или не верь...

На небе высыпали звезды. Пора было укладываться спать. Завтра утром их ждала дорога. Костер прогорел, от него остались лишь тлеющие угли. Николай поднялся. Расстелил на траве спальник и, забравшись в него, уснул сразу.

Снова в дорогу

Уже под утро он выбрался из спальника и открыл кабину, дотронулся до обнаженного плеча попутчицы.

– Просыпайся Лена. Пора ехать.

Она несколько секунд лежала без видимых признаков, потом поднялась с узкой кабинной койки.

Фуры одна за другой разъезжались со стоянки. Впереди вырулил со стоянки туляки. Ну что же, им ехать в одном направлении. Вдвоем веселее.

Николай посмотрел на свою попутчицу. Она мирно дремала, прикрыв глаза. Пусть поспит.

Он любил свою работу, машину. Знал все ее капризы и выходки. Сравнение с женщиной не случайно. За годы работы он заметил, что быстрая езда и подрагивании машины как-то странно действовала на него. Если ехал один, то начинал мечтать о том, чтобы рядом появилась соседка в чем-нибудь коротком. Вот как сейчас...

Девушка поменяла положение на сиденье и открыла глаза. Провела рукой по коленкам, натягивая ткань платья на колени.

– Далеко еще до Самары?

– До обеда должны успеть.

– Вам куда чаще всего приходится ездить? В каком направлении: юг, запад, восток?..

– Куда груз нужно доставить, туда и еду. Мне все равно, с кем работать и что перевозить. Не имеет значения и протяженность маршрута. Если клиент сделал и оплатил заказ машины, тут же отправляюсь в путь.

– А за границу приходится ездить?

– В прошлом году приходилось ходить в Польшу в основном за плодоовощной продукцией. Из России возят мебель, стройматериалы, был в Литве, Молдове и Украине.

– Там лучше?

– Трасса не имеет национальностей. Все водители одинаковы, но в каждом стаде есть паршивая овца. Как-то ехал, обогнал земляка, москвича. И вдруг у меня спускает колесо. Мне нужна была только головка, чтобы золотник открутить. Я останавливаю его, он показывает, что нет времени, и проносится мимо. А сзади идет парень из Латвии, тормозит, аж колеса дымятся: «Братишка, в чем дело?» Мне было приятно. А эта сволочь, которая видела мой московский номер... Такая обида была в душе!..

– Значит, все равны?

– Конечно. На дороге есть одна национальность – водитель называется. Но люди, которые крутят одинаковые баранки, очень даже разные. Это только все машины похожи друг на друга. «Мерседес» – он и в Африке «Мерседес», а «Скания» останется «Сканией» под любым номером – белорусским, немецким или голландским. Железо – не более. Недаром говорят: «Фура – дура, шофер – молодец!»

– А что лучше «Мерседесы» или «Ивеко»?

– «Мерседесы» ценятся выше. Это настоящие рабочие лошадки, выносливые, прекрасно выдерживают наши дороги.

– А не страшно ездить, бандиты, аварии?

– Я прошлой осенью, в ноябре чуть не «влип» в историю. Погода была морозная, а солярка в машине еще летняя. Чуть приостановился, чтобы разогреть поддон, как рядом оказалась «Аудиха». Вышли люди, потолковали малость, заглянули в фургон.

– А что хотели?

– Известно, с какими намерениями. Хорошо, что шел порожняком, а так обчистили бы основательно. И сам цел остался. Произошло уже на территории нашей республики, чего уж говорить о зарубежье...

– Ну а если пристанут?

– Видишь, у меня наколки? Они читаются, а рэкетеры – практически все отсидевшие. Обычно я сижу, положив руки на руль. Они только мельком глянут: «Извини, мы зашли не по адресу». Конечно, наколку можно сделать просто так, но за нее надо отвечать. Кем ты был в прошлом, легко проверить.

– Делаются ли какие-то исключения для наиболее опытных водителей?

– Уважают тех, кому за 50, кто родился и вырос на трассе. Их выгоняют на пенсию, они покупают кабину и в ней ночуют – не могут спать в постели. Люди становятся больны трассой. Есть у меня знакомый, Иван Семенович, 59 лет. Ему доверяют самые дорогие грузы, поскольку на трассе его никто не трогает, где бы он ни был. Он – психолог, запросто разгадает, чего человек стоит, кто он такой в уголовном мире, хотя ни разу не сидел. Его в свое время пытались списать: вот, у тебя сердце... У нас полно всяких примет.

– Какие?

– Например, нельзя машину оскорблять. Если вышел справить малую нужду, ни в коем случае не на колесо: она отомстит неисправностью. Машина не любит и устных унижений типа «моя колымага», «развалина», «рыдван» и т. д. Она любит, когда ты действуешь быстро и решительно. Если куда-то собрался и начинаешь раздумывать, то лучше не ехать. Нельзя ничего загадывать наперед – не сбудется.

– Да интересно, – девушка слегка выпрямилась на сиденье. – А какие еще есть приметы?

– У таксистов есть такая примета: первым пассажиром нельзя брать женщину – в эту смену заработка не будет. Нельзя и во время смены пересчитывать заработанные деньги – обязательно не повезет. Начинаящие автолюбители, «чайники», не кладут ключи от машины на стол: она не заведется. Если камешек попал в лобовое стекло, это плохое предзнаменование, надо обязательно пристегнуться ремнем. А если едешь уже пристегнутым, то примета недействительна. Если поставил на свою машину деталь от разбитого автомобиля, этим ты провоцируешь аварию. Нельзя в машине свистеть, обязательно оштрафуют гаишники. Уронил ключи от автомобиля, можешь его лишиться.

...Их разговор был прерван. На мосту через небольшую реку толпился народ, и что-то разглядывал на дороге.

– Наверное, что-то случилось, – Решетов притормозил, высунул из открытой двери.

– Эй, что случилось? – спросил он у стоящего поблизости мужчины.

– Корову сбили.

– Помощь не нужна?

– Не нужна. Езжай отсюда!

– А чего вы так грубо. Я только спросить.

– Проезжай!

– Какие злые люди. Оказалось народ в очереди за мясом, и во мне увидели конкурента.

Голодные, злые...

Пока он делился впечатлениями, буквально им под колеса кинулся голосующий парень в спецовке.

– Слышь, подвези, – он просительно махнул рукой.

Пришлось притормозить.

– Тут недалеко, – просунул он голову в открытую дверь.

– Ну, давай, лезь тогда, тут как раз место на троих.

Парень освоился буквально за несколько минут. Он сразу понял, кто сидит рядом с ним, и стал проявлять знаки внимания к девушке, стал что-то шептать ей на ухо. И до Решетова стали долетать отдельные фразы.

– Он ведь тебе никто. Да?.. Идем со мной... Давай, я тебя устрою на работу, регистрацию сделаю, у меня знакомый в отделе работает... На рынке торговать будешь... Жить у меня есть где... Всю жизнь с этим хмырем не прокатаешься, – парень уже по-хозяйски положил ей руку на плечо.

Решетов почувствовал, что руль под его руками раскаляется от незаслуженной обиды. Но он промолчал.

– А ну ты, быстро вали, отсюда, – вдруг громко сказала, сняв его руку с плеча, девушка. Парень как-то сразу сник.

– Извините, я не понял. Все прекрасно. Я уже приехал. Мне здесь, шеф, тормозни. – И он выскочил из кабины.

Решетов долго не мог прийти в себя. Только еще крепче вцепился в руль.

Но их испытания в тот день только начались. Впереди их поджидала дорожная неприятность – пост ДПС. Старшина дал отмашку остановиться.

– Приехали. – Решетов взял папку с документами и вылез из кабины.

Инспектор попинал носком сапога колеса, как человек-манометр. Стал было изучать накладные на груз.

Но из обитой железной будки выглянул младший лейтенант.

– Давай сюда документы посмотри!

Старшина службу знает – он тут же теряет интерес к Николаю и уходит на трассу «ловить нарушителей». Начальник же его, лениво листая документы, цедил:

– Документы не в порядке, придется тебя завернуть.

– А что там не нравится, командир?

– Будто сам не знаешь. Две сотни – и дорога свободна.

– Побойся Бога!

– Я здесь Бог.

Инспектор купается в собственной власти. Понять его можно: ездят тут всякие: а у него – фиксированный оклад, быстрорастущие дети и нервная жена.

– Придирались?

– Все нормально, – сказал Николай, садясь за руль. – Веселый оказался мини-майор. Сначала начал смотреть бумаги, а потом говорит: «Не буду смотреть твои бумажки, клади деньги и проезжай. Не нравится, будем проверять». Пришлось дать немного денег. Я всегда даю. И нищим и ментам. Пусть берут, нам все равно останется. Но когда мы окажемся у Бога, менты станут бегать за нами, чтобы вернуть эти деньги.

До Самары они доехали без всяких приключений. Город предстал чистеньким и вымытым в обрамлении зелени.

– Ну, вот и приехали. Если удастся сегодня один груз сдать, а другой получить, то к вечеру в обратный путь.

Николаю повезло. Он без проволочек заехал на территорию завода, сдал станки и загрузился запчастями. Девушка осталась за воротами.

– Ты пока погуляй. Я постараюсь быстро. – Николай оставил попутчицу за воротами завода...

Спустя два часа груженный «КамАЗ» уже выезжал обратно.

Николай был доволен.

– А ты боялась, даже юбка не помялась, – весело и довольно улыбался он, – сейчас в заводууправлении оформлю командировку и айда назад.

... Гуля прошлась по аллейке с тополями. Она была в раздумье. В ее сумочке был сотовый телефон. Надо набрать всего один номер, и она рассчитается с Расулом. А если не позвонит? Что она будет делать, когда она вернется в Москву? Ей вдруг стало жалко себя. Зачем она согласилась поехать. Николай ей был симпатичен. С ним она, наверное, впервые в своей жизни почувствовала спокойно. Но долг? Расул от нее не отстанет. Найдет. И что тогда. Она открыла сумочку. Вот он телефон. Хорошо бы он не сработал. Не могла связаться. Покажет Расулу, что набирала его номер. Она нехотя стала набирать длинный номер.

Но телефон ответил.

– Да, слушаю, – ответил голос Расула.

Она явно не ожидала, что так хорошо работает телефонная связь.

– Говорите!

– Это я.

– Ну?! Где ты?

– В Самаре.

– Молодец! Что везете?

– Какие-то запчасти для автомобилей.

– Неплохо. Когда выезжаете?

– Сегодня. Скоро. Через несколько минут...

– Понятно... На какой машине едешь?

– КамАЗ. С синим тентом.

– Умница. Все понял. Около Москвы встретим.

На том конце связь отключили. Она положила телефон опять в сумочку. Может потом, она будет жалеть о том, что сейчас сделала. Но какой у нее был выход? Эх, уехать бы куда-нибудь на край земли. Но как это сделать, и кому она там нужна. С такими мыслями она вернулась к машине.

В обратный путь

У Николая настроение хорошее. Дорога домой всегда короче. Двигатель мощностью в 260 лошадиных сил позволяет машине легко преодолевать крутые подъемы. Скорость под сто. Попутчица почему-то грустит.

– Лен, рассказать анекдот?

– Расскажи.

– Придорожное кафе. Заходит водила-дальнобойщик пообедать набирает блюд. А перед этим идет руки помыть. Тут в кафе вваливаются три мотоциклиста. Все в коже, цепях. В общем, крутые. Садятся за стол дальнобойщика и начинают есть, что он взял.

Дальнобойщик видит такое дело, повернулся и к выходу.

– Сосунок! Даже за себя постоять не умеет! – говорит один из мотоциклистов.

А официантка добавляет:

– Да он еще и ездить не умеет! Только что выезжал со стоянки – раздавил три мотоцикла...

Николай краем глаза увидел, что настроение девушки немного поднялось.

– Смешно?

– Смешно. Дорога это – свой особый мир.

– Верно. И его надо понимать. Я с первого взгляда определяю, откуда водила – из какой области, бывшей союзной республики, а то и дальнего зарубежья даже не глядя на номера его фуры.

– А чем иностранные водители отличаются от наших?

– Вот, к примеру, голландцы. Зайдешь в «шоферское» кафе – сидит разношерстная публика. Но голландцев сразу отличишь: здоровые «штанги», на голову выше остальных, все в наколках. Румынские и молдавские дальнобойщики отличаются крайней бестолковостью. Они с трудом врубаются в тонкости оформления документов. Украинские водилы – те шустрые: все к рукам приберут, где что плохо лежит. Русских узнаю по прикиду. Зимой и летом в синтетических трико. Оно, конечно, грязь к ним не липнет и пот костей не ломит. А еще, они пожрать здоровы. Особенно ростовские, краснодарские ребята. Прибалты дружные, но тоже всякие встречаются. Общались тут недавно с одним парнем из Латвии. Янисом зовут. Он говорит, ехал в Бельгию и там малость заблудился. Мимо едет эстонец. Янис ему сигналил и спрашивает, как на такую-то развязку выбраться. Эстонец пожимает плечами: мол, по-русски не понимаю. Через сотню километров встречаются на том же шоссе. У эстонца дизель заглох, тормозит он нашего латыша и какую-то запчасть просит. Естественно, по-русски. А Янис разозлился и в отместку тоже мотает головой: «несапроту», что значит «не понимаю». И – мимо. Вот как у них.

– Ты в Польшу ездил?

– А что такого. Это раньше попасть за границу было чем-то таким, и сейчас... Да что там Польша. Ехал туда как на каторгу, да и дорога ни к черту – узкая и «просевшая», так еще таможенники доконали. Это немцы в каждую дырку не лезут. Поляки будут рыться до тех пор, пока не вытянут свои «кровные» 10—20 марок. Полиция тоже не дремлет. Не так давно в районе Лодзи остановили люди в форме, говорят, мол, нарушил правила, проезжая мост. Да я, может, лучше их знаю правила, но вынужден был отдать 40 марок на двоих. Без всяких там квитанций. Братки белорусы не отстают. В начале сентября еду с грузом из Москвы. В районе Новополоцка останавливает сержант-«гаишник», говорит: «Штраф тебе положен за отсутствие командировочного удостоверения». – «Не положено мне командировочного, – отвечаю, – есть известный вам авансовый отчет». А по глазам сержанта вижу, на что намекает...

Она слушала его внимательно. А он продолжал ей рассказывать.

– На дороге всякое случается. Два года однажды ездил на север. Трасса шла через лес. Смотрю, словно из-под земли посреди дороги выросло что-то темное. Я еле успел крутануть руль, едва не задавил лосиху, преградившую путь, выскочил из машины, а нарушительница движения двинулась в лес. Идет так и оглядывается, как бы зовет за собой. Ну, я опять сел за руль. Только двигатель завел, глядь – опять лосиха эта самая встала перед машиной, думаю что за наваждение, головой трясет, будто зовет куда-то. Я тогда с напарником ездил. Вылезли. Делать нечего, пошли вслед за животным. Сразу почему-то подумали, что случилось что-то нехорошее, раз зверюга собственной жизнью готова пожертвовать. Там дорога через болота проходит. А лосиха ведет нас и ведет. Остановится и смотрит, идем мы или нет, оглядывается – не отстали ли? И вот привела нас к болоту, в котором стоял утонувший по шею меленький лосенок. Ну что делать, надо выручать. Сразу зашел по пояс в болото и давай лосенка сзади выгалкивать. Тот дрожит, боится, а лосиха стала кричать, мордой мотать – видно сильно переживала. Наверное, с полчаса вытаскивали мы лосенка не меньше. Пришлось повозиться. Извозились все. Но вытащили. Я потом взял его на руки и вынес на берег. Мне тогда показалась, будто даже слезы в глазах лосихи заблестели. Она начала облизывать свою кроху, а мы, когда увидели эту картину, чуть не расплакались. Вот как бывает.

За разговорами как-то незаметно опустился вечер и Николай стал прикидывать, где им сделать остановку на ночь. Выбора большого не было – на стоянке поближе к посту ДПС. Вот только, когда он будет, то их пруд пруди и думаешь, как мимо них проскочить, то их нет.

Стоянка такая вскоре нашлась. Там уже стояло с десятков фур, и несколько водителей лениво бродили между машин.

– Вот сюда и зарулим. – И Николай направил фуру на площадку.

Спустя час они уже сидели у небольшого костерка, и пили винцо. К ним подходили другие водители. Шутили по-шоферски:

– Ты к нему не садись, девка, у него в штанах ключ на 50 висит. Ха-ха...

Но, заметив, как девушка реагирует на эти шутки, стали успокаивать ее:

– Бандитов надо бояться, а водил чего бояться, не дрейфь плохого не сделаем.

Она успокоилась и, наверное, под это настроение Николай неожиданно очень откровенно рассказал ей о своей жизни. Как сидел в тюрьме, как умерла жена. Как на исповеди. А захмелев, вдруг признался, что она как две капли похожа на его покойную жену Нину. И он боится ее обидеть или сказать обидное слово.

– Ну, вот за разговорами быстро время пролетело, – Решетов, потягиваясь, посмотрел на часы. – Пора на боковую.

Он вдруг умолк, почувствовал неловкость сказанной фразы, точнее, ее двусмысленности. Ведь за ней что-то должно было последовать. Спать-то кроме кабины было негде. – Ты иди, ложись в кабину. А я здесь в спальнике перекантуюсь.

– Ты хороший, – сказала она почти шепотом, сбросила туфли и понеслась в лес.

«Быстро бегают», – усмехнулся он, глядя ей вслед.

...Его сон еще не набрал крепости, когда он почувствовал, что кто-то его обнимает. Чье-то присутствие. Она лежала рядом, поверх спальника.

– Мне страшно, – прошептала она, – можно к тебе?

– Что с тобой поделать, – проворчал он, открывая молнию, пододвигаясь и освобождая ей рядом место.

– Можно, да? – оживленно сказала она – вскочила на ноги и потом секунду размышляла, искоса поглядывая на него. Потом решительно и быстро расстегнула кофточку, стянула юбку, потом колготки.

– Я ведь туристка, и знаю, что спать в спальнике одетым – себе дороже, замерзнешь...

– Действительно туристка, все знаешь...

Лунный свет мягко осветил ее лицо и голые плечи, сочное белое молодое тело, высокие груди, широкие крепкие бедра, стройные длинные ноги. Ему казалось, что все это не реально. Он не верил в свое счастье, но был убежден, что возраст между мужчиной и женщиной не играет решающей роли. Мужчина и в восемьдесят лет может оставаться мужчиной. Он жил как живется.

Она забралась к нему в спальник, который был сшит по спецзаказу. Он осторожно погладил ее по щеке, она потерлась щекой о его грудь. Ее шелковистая нежная кожа была нежна и упруга. Он вдруг испугался, что его мозолистые ладони поцарапают ее. Она уловила его сомнение, тихо рассмеялась и медленно повернулась к нему. Он привлек ее к себе и замер, чувствуя, как ее молодое тело откликается на его не совсем ловкие ласки.

Он вначале переживал. Давно у него не было женщины. А она в силе, а вдруг ничего не получится.

– Все будет хорошо, не волнуйся, – ласково прошептала она ему на ухо.

Оказалось, что она и мертвого бы расшевелила. Такой ласковой женщины у него не было никогда в жизни. Он несколько раз назвал ее Ниной, но она не обиделась.

Ее рука легла на живот, потом перешла ниже. Он жутко растерялся, а она говорит. «Не стесняйся ты же мужчина, а я женщина. Мы не можем жить одни».

Он целовал ее грудь, лицо. Все было отлично. Она даже несколько раз прошептала: «Мне хорошо с тобой».

Решетов ощутил ее упругую молодую грудь, острые соски... Потом почувствовал ее податливые бедра. Они раздвинулись, принимая его в себя...

Потом он откинулся от нее. И сладостная истома навалилась на него. Тяжелым свинцовым грузом опустился на его веки сон. Глаза закрылись, и он уснул.

Николай проснулся рано. Лежал без сна. И не знал что делать, то ли благодарить судьбу, за то, что она согласилась быть с ним, или наоборот, выбросить все из головы и считать легким приключением. Ему недавно стукнуло 43. Хотя и до сих пор как-то верится с трудом. Он до сих пор готов рвануть хоть в командировку, хоть к черту на рога.

...Она шевельнулась и открыла глаза. Сначала в ее глазах было недоумение. «Где она?»

– Проснулась?

– Да...

Банда

Вот и заканчивается поездка. Еще час-полтора и будет Москва, и он уже радовался тому, что нелегкий путь остался позади. Посмотрел на свою попутчицу. После вчерашней ночи у него в душе все перевернулось. У него вдруг возникли к этой незнакомой девушке нежные чувства. Кто она? Где живет? Какая у нее беда? Он может ей помочь. Предложит ей поехать к нему в Подольск в его однокомнатную квартиру. Пусть поживет у него. Отоспится. Николай смотрел на ее худые руки, острые скулы лица. Бледную кожу. Бедная. Бездомную собаку жалко, а тут человек.

Николай покрутил магнитола. Должна браться московская радиостанция. Нашел волну «Милицейская волна», и грустная песня о клене над речной волной пошла под комментарий завывающего певца. Сладко потянувшись, он достал пачку сигарет, закурил. Сделал громкость больше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.